

ГЛАГОЛЬНО-ДЕВЕРБАТИВНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В РАЗВЁРТЫВАНИИ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА VERBAL-DEVERBATIVE FUNCTIONAL COMPLEXES IN EXPANSION OF BÉLLES-LÉTTRES TEXT SENSE

Соломатина Наталья Георгиевна

Solomatina Nataly Georgievna

Статья посвящена рассмотрению глагольно-девербативных функциональных комплексов в аспекте их способности к участию в текстовой линейаризации. Механизм их формирования детально рассматривается в нескольких текстовых фрагментах и предстаёт как действующий с особой результативностью в плане осуществления линейаризации тематического базиса текста. Линейаризация развёртывается в виде информационного расширения отражаемых языком ситуаций и проходит при разных контекстуальных фонах разными путями.

The article is the study of verbal-deverbative functional complexes in terms of their ability to participate in text linearization. The mechanism of formation of these complexes is closely examined within many text fragments and proves to be especially productive in linearization of a thematic basis of the text. Linearization is developed as information expansion of situations reflected by the language and in different context it goes various ways.

Ключевые слова: глагольно-девербативный функциональный комплекс, линейаризация, текстовый фрагмент

Key words: a verbal-deverbative functional complex, linearization, a text fragment

УДК 811.112.2'42(045)

В данной статье рассматривается взаимодействие девербативов в аспекте их способности к преобразованию некоторого блока мыслительного содержания текста в составную часть его линейно развивающейся структуры.

Начальной ступенью рассмотрения становится положение о развитии одной и той же ситуации с опорой на «устойчивые элементы ...» [1.С.359]. К бесспорно устойчивым смысловым элементам относятся действие и деятель,

согласно определению ситуации как «многомерной семантической структуры, ядром которой является двуединство признаков «деятель» – «действие» [2.С.16]. Но в набор характеристик ситуации должны быть включены не только деятель и действие, а и пространственно-временные ориентиры. Здесь необходимо различать следующее: в обобщённом образе ситуации набор признаков сокращается до нескольких стереотипных черт, составляющих её остов, каркас; в конкретном же «слепке» с действительности ситуация преобразуется мысленно до структуры с целым рядом признаков, в первую очередь пространственно-временных. Разница между инвариантно-типовым составом характеристик и реальной, «живой» наполненностью ситуации как раз и даёт «оперативный простор» развёртыванию смысла. Мотивационным фактором развёртывания служит необходимость заполнения семантических и синтаксических позиций в целях оптимального расширения содержания.

Рассмотрим, прежде всего, случаи подключения к находящемуся в основе ситуации «положению дел» новых действующих лиц через многократную реализацию одной из валентностей деятеля-субъекта, например:

*Das schmerzt mich heute noch. Das warf mir soeben den Kopf in die Kissen. Das lässt Fuß- und Kniegelenke deutlich werden, macht mich zum **Knirscher** – was heißen soll, Oskar muß **mit den Zähnen knirschen**, damit er das **Knirschen** seiner eigenen Knochen in den Gelenkpfannen nicht hört. Ich betrachte meine zehn Finger und muß eingestehen, sie sind geschwollen. Ein letzter Versuch auf meiner Trommel beweist: Oskars Finger sind nicht nur etwas geschwollen, sie sind für diesen Beruf momentan unbrauchbar; die Trommelstöcke entfallen ihnen [3.С.433].*

Первичное признаковое наименование субъекта даётся в приведённом фрагменте словообразовательной конструкцией VS+er, по которой образуется окказиональное имя деятеля – *Knirscher*, не зафиксированное в словаре, поэтому требующее расшифровки на базе контекста. Это решается в

последующем предложении через реализацию валентностей глагола *knirschen* (*Oskar knirscht mit den Zähnen*). Далее с помощью субстантивированного инфинитива *Knirschen* и реализованного родительного падежа при нём достигается переосмысление – к описанному как бы подключается новый «деятель», неодушевлённый, но вводимый как самостоятельный «субъект действия» (*seine Knochen knirschen*), хотя местоимение *seine* указывает на прежнего деятеля. Оказывается, что выстраиваемая изотопическая цепочка формирует расширение информационного объёма на линии субъекта. И именно благодаря взаимодействию производящего глагола и производных девербативов мысль ретроспективно каждый раз отсылается к её истоку, за счёт чего достигается сплочение информации вокруг исконного смыслового ядра.

Следующий путь расширения ситуации представляет собой использование валентности глагола и его производных в русле включения в описание различных других характеристик и создания целой гаммы оценочно-признаковых черт, при общем доминировании конвергирующей тенденции, например:

*Ein reproduziertes Bild bedeckte jetzt die ganze Seite, es heißt: „Wellentänzerin“. Auf dem schmalen Band stand in Blockschrift: Beachten Sie die Ähnlichkeit, es lohnt sich. Es war ein Bild von Max Ludwig Nansen. Es war Hilke, die **tanzte**. Sie **tanzte zwischen** flachen kippenden **Wellen**, dicht vor einem blendenden Strand, unter einem roten Himmel, sie **tanzte** mit offenem Haar, nur mit einem kurzen gestreiften Rock bekleidet, ihre Brüste schienen sie **beim Tanz** zu stören, sie senkte schon einen Arm, um ihn auf ihre Brüste zu pressen, und auf ihrem zurückgeworfenen Gesicht ein Ausdruck von Unwille und Erschöpfung. Sie **tanzte mit den Wellen, der Rhythmus der Wellen bestimmte auch den Rhythmus des Tanzes**, der sie, das war schon zu erkennen, immer weiter vom Strand wegführte, seewärts, wo ihr **Tanz** enden würde. Die **Wellentänzerin** war also Hilke, meine Schwester [4.S.478].*

Фрагмент текста пронизывается трёхчленным функциональным комплексом или иначе коллокацией в виде развёрнутой изотопической цепочки, многократно отмеченной лексическим повтором. Четырёхкратный повтор глагола *tanzen* сопровождается подключением к реализуемой им валентности многих указаний, суммарно воссоздающих многоликий образ действия. Ввод отглагольного существительного *Tanz* в коллокацию создаёт смысловой нюанс некоторого обобщения и стабилизации в порождённую повтором глагола непрерывную динамику действия. Но особенно значим композиционно элемент лексики, именующий производителя действия – *die Tänzerin*, что зримо акцентируется его использованием в конфигурации обрамляющего повтора (в начале и конце фрагмента). Обрамляющий повтор потенциально способен тематически сплавивать микротекст в наивысшей степени, а в данном случае он по существу подчиняет себе весь механизм развёртывания коллокации. Дополнительные признаки (*Wellentänzerin – tanzte in Wellen*) привносят смысловой оттенок образного авторского видения в семантику деятеля и производимого им действия.

То, как совмещаются в одной контекстуальной реализации конвергирующая и дивергирующая тенденции, наблюдается на следующем фрагменте, хотя уже по-иному:

Stanislaus fuhr auf dem Schiff „Hermann“. Er stand am Bord, sah in das leuchtende Wasser und hielt sich an seiner Schwimmweste fest. Er konnte nicht schwimmen und traute diesem korkgefüllten Gürtel nicht. Insgeheim belächelte er seine Todesangst. Welche widerlichen Kontraste! Das Leben zeigte sich in südlicher Schönheit, doch sie fuhren durch diese Nacht, um Tod auszustreuen oder sich selber Tod zu holen. Zu welchem Sinn? Zu welchem Ende? Woher der Krieg? Weshalb das Morden?

Weißblatt und Kraftczek standen an der Schiffsspitze. Zwei Schwärmer, die aneinander vorbeiredeten ...

Weißblatt hatte sich über das Schiffsgeländer gebeugt. „Sieh das Geleucht und Geflimmer am Schiffsbug! Das Meergold der Alten!“

„Es möchte vielleicht wirklich Gold sein“, bestätigte Kraftczek ... und die primitiven Völker haben keine Ahnung nicht vom Abbau. Wir in Oberschlesien möchten das lange untersucht haben“ ...

*Weißblatt antwortete nicht mehr. Er fühlte sich unverstanden. Die meisten Dichter wurden zu ihren Lebzeiten nicht verstanden. Einmal, so nahm er sich vor, würde er über diese Nacht, über dieses **Leuchten**, und die hellenische Helle schreiben, die jetzt durch sein Wesen zog [5.S.474–475].*

Трёхчленная коллокация *leuchtend – Geleucht – Leuchten* создаёт в данном текстовом фрагменте смысловой стержень, вокруг которого развёртывается ядро отображения ситуации. Когерентность складывающегося текстового континуума особо явно подчёркивается фактом присутствия дейктических слов – указательного местоимения *dieses* при *Leuchten* и определённого артикля *das* при существительном *Geleucht*, отсылающих мысль реципиента к мотивирующему словосочетанию *das leuchtende Wasser*. В этом проступает линия конвергенции текста, тогда как расширительная, дивергирующая линия прочерчивается слабее и приобретает статус вспомогательного композиционного приёма, ключом к пониманию которого служит отрезок *Welche widerlichen Kontraste!*

Путём расширения одной и той же ситуации может быть достигнуто «мозаичное» её представление из прямо не связанных смыслов, выражаемых отглагольными производными именами:

*Natürlich sprach der Herr kein Wort. Es war ja auch nicht die Uhr kaputt, nur das Glas. Es ist aber nur Verhältnis der Erwachsenen zu ihren Uhren höchst sonderbar und kindisch in jenem Sinne, in welchem ich nie ein Kind gewesen bin. Dabei ist die Uhr vielleicht die großartigste Leistung der Erwachsenen. Aber wie es nun einmal ist: im selben Maß wie die Erwachsenen **Schöpfer** sein können und bei Fleiß, Ehrgeiz und einigem Glück auch sind, werden sie gleich nach der **Schöpfung Geschöpfe** ihrer eigenen epochemachenden Erfindungen [3.S.62].*

Трёхчленная коллокация составлена в микротексте лишь отглагольными существительными при отсутствии мотивирующего глагола,

хотя он очевиден. Коллокацию открывает его производное – имя деятеля *Schöpfer*, требующее конкретизации положением дел, что далее логично выполняется именем действия. Реализация без специфических валентностей первых двух членов коллокации явно отражает стремление скорее сформулировать некоторую абстрагированную истину, чем представить конкретную ситуацию. Дальнейшее расширение осуществляется через включение в коллокацию имени объекта *Geschöpf* с собирательно-результативным значением. Но этот девербатив, в противоположность «активному деятелю» *Schöpfer*, формируется для реализации интенционально предопределяемой валентности «пассивный деятель», точнее множественный продукт. Несмотря на сему «неодушевлённость», этот последний деятель предстаёт активным в реализующем его микроконтексте (*ihre epochemachenden Erfindungen*) и направляет шаг мысли «в сторону» от прямой линии изложения, в «сторону» некоего философского смысла.

Из-за невозможности в рамках статьи охватить все случаи и выделить доминирующее положение какого-то одного пути наращивания информационного объёма реальнее говорить о релевантности их всех. Такой вывод вполне согласуется с той аксиомой, что структурирование текста отражает взаимосвязь и взаимодействие многих одновременно действующих правил и тенденций.

Но, кроме расширения одной и той же ситуации, в текстовом воплощении узнаётся и второй действенный способ – объединение в единый комплекс двух и более ситуаций, которые могут быть отдалены друг от друга временным пространством, но соотносятся по координирующему смысловому признаку – действию. Например:

*So blieb ich, während in der Kirche **getauft** wurde, im Taxi, betrachtete den Hinterkopf des Chauffeurs, musterte Oskars Antlitz im Rückspiegel, gedachte meiner eigenen, schon Jahre zurückliegenden **Taufe** und aller Versuche Hochwürden Wiehnkes, die Satan aus dem **Täufling** Oskar vertreiben sollten* [3.S.309].

Элементы трёхчленной коллокации *taufen* – *Taufe* – *Täufling* распределяются по канве текста между двумя ситуациями: первая намечается глаголом *taufen* в соединении с важной реализованной валентностью – указанием места *in der Kirche*. Противопоставляемое другое указание места *im Taxi* уже несёт в себе отчуждение лица от первой ситуации и создаёт переход ко второй, в которой это же действие выражается элементами коллокации – *Taufe*, *Täufling*, продолжающими смысловую линию глагола. Этим приёмом между ситуациями устанавливается связь, направленная по общему своему предназначению на увеличение информационного объёма и в то же время на придание ему некоего коннотативного оттенка. Последний вытекает из того, что имя *Täufling* имплицитно принадлежит как повествователю, так и субъекту описания, но с существенным моментом различия – временной отнесённостью к прошлому и настоящему.

Таким образом, главное, что удалось показать, состоит в безусловной взаимосвязи функций коллокаций, реализацией которых обеспечивается развитие многообразных связей, через сеть которых осуществляется линеаризация текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1972 / АН СССР. Ин-т рус. яз.; отв. ред. С.К. Шаумян. – М., 1973. – С. 349–372.
2. Шабес, В.Я. Событие и текст / В.Я. Шабес. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.
3. Grass, G. Die Blechtrommel / G. Grass. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1986. – 612 S.
4. Lenz, S. Die Deutschstunde / S. Lenz. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1972. – 596 S.

5. Strittmatter, E. Der Wundertäter / E. Strittmatter. – Berlin und Weimar:
Aufbau-Verlag, 1979. – B. I. – 501 S.